

УДК 811.111'36 (043.3)

ОЦЕНОЧНЫЙ МОДУС В АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ БРИТАНСКОГО МЕДИАДИСКУРСА

И. В. Лешкевич

кандидат филологических наук, доцент,
Минский государственный лингвистический университет

Дифференцируются понятия “модальность” и “модус”. Определяется сущность оценочного модуса и его роль в создании аналитических медиажанров. Выявляются языковые средства реализации оценочного модуса в аналитической статье британского медиадискурса. К ним относятся оценочные лексические единицы, вводные слова и выражения, коннекторы, маркирующие отношение автора, а также стилистические средства.

Ключевые слова: медиадискурс, модальность, модус, оценочный модус, аналитическая статья, оценка, лексическая единица.

Введение

Значение модуса для верного понимания дискурсивных смыслов и интенций трудно переоценить. Мысль о необходимости выделения модуса (в другой терминологии – модальности) в качестве одной из главных сторон текстообразования и необходимого элемента строительства текста, а также ведущая роль модуса в изучении антропоморфизма языка в его ипостаси законченных речевых произведений подчеркивалась многими учеными (И.Р. Гальперин, Г.Я. Солганик, О.Л. Каменская, О.Б. Сиротина, З.Я. Тураева, Е.В. Падучева, В.В. Красных и др.). В орбиту лингвистических исследований модуса высказывания/текста сегодня включаются самые различные объекты: интенция говорящего-пишущего и его приемы построения дискурса, жанровые особенности и требования; интонация, подтекст, логические модальности, а также теории и практики общественных взаимоотношений (М.Н. Володина, Н.А. Артамонова, А.А. Негрышев, И.А. Нагорный, С.Н. Туровская и др.). Тем не менее изучение модуса в силу его непрозрачности, имплицитности, “тонкой” природы так и не приобрело к настоящему времени четких очертаний.

Основная часть

Ш. Балли первый предложил концепцию двухчастной структуры высказывания, именуя термином *модус* субъективные стороны высказывания, идущие от говорящего, а термином *диктум* – объективные [1, с. 44–45]. Его идеи развиты во многих трудах (Э. Бенвенист, Л. Теньер, А. Вежбицка, Е.В. Падучева, Т.В. Шмелева, Т.М. Николаева). В российском синтаксисе термин *модус* в смысле, означенном Ш. Балли, стали использовать Т.Б. Алисова, В.Г. Гак, Т.А. Колосова, В.А. Белошапкина, Т.В. Шмелева. Так, В.Г. Гак впервые поставил вопрос о том, чтобы определить круг категорий модуса [2]; Т.А. Колосова приложила теорию и терминологию Ш. Балли на исследование русского сложного предложения [3]; В.А. Белошапкина ввела понятия *модус* и *диктум* в университетский курс современного русского языка [4]; Н.В. Зиневич впервые применила модусно-диктумный подход в белорусском сопоставительном языкознании [5].

© Лешкевич И. В., 2017

Одна из существенных методических проблем отечественной семантики и прагматики, на наш взгляд, заключается в том, что отсутствует четкое разграничение полномочий терминов *модус* и *модальность*. Наблюдается сложная картина взаимоотношений понятий *модальность* и *модус*, когда то одно понятие шире другого, то наоборот, в зависимости от установок, школ, терминологических традиций того или иного исследователя. В.З. Панфилов отмечает, что "нет другой категории, о языковой природе и составе частных значений которой высказывалось бы столько различных и противоречивых точек зрения, как о категории модальности" [6, с. 37].

Например, В.В. Виноградов под модальностью в синтаксисе понимает "то, что сообщается, может мыслиться говорящим как реальное, наличное в прошлом или настоящем, как реализующееся в будущем, как желательное, требуемое от кого-нибудь, как потенциальное, как не действительное и т. п. Формы грамматического выражения такого рода отношений содержания речи к действительности и составляют синтаксическое существо категории модальности" [7, с. 80]. Таким образом, то, что сообщается – диктум, а то, что может мыслиться – модальность (модус).

А.В. Бондарко рассматривает модальность как комплекс актуализационных категорий, характеризующих с точки зрения говорящего отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности по доминирующим признакам реальности/ирреальности [8].

В "Грамматике русского языка" модальность определяется как отношение действия или состояния, выраженного предложением, к действительности. Причем формами этой категории признаются формы наклонения, а логической структурой – способы связи предиката с субъектом. Категория модальности входит в круг предикативности как отнесения содержания предложения к действительности, включающей, кроме модальности, время и лицо [9, с. 89].

Н.Ю. Шведовой принадлежит идея об объективной и субъективной модальности [10], которая ознаменовала новое направление в исследовании данной проблемы. Так, под объективной модальностью понимается отношение сообщаемого к тому или иному плану действительности, языковые формы мысли о реальном в настоящем, прошлом, будущем или ирреальном возможном, желаемом, должном или требуемом [10, с. 542]; под субъективной модальностью – отношение говорящего к сообщаемому (значения усиления, экспрессии, уверенности/неуверенности, согласия/ несогласия и т. д.) [10, с. 611]. В такой интерпретации модальность отличается от модуса, поскольку подразумевает только грамматические средства своей экспликации и не предполагает имплицитных форм – "нулевых" позиций для выражения своих значений.

Тем не менее существует ряд работ, в которых отождествляется модальность и модус, во всяком случае, термин модальность используется в изучении субъективных сторон высказывания (Е.М. Вольф, А.И. Островская, И.А. Филипповская, Е.В. Клобуков и др.). Однако при использовании модальности и модуса в тождественном значении, во-первых, создаются терминологические неудобства; во-вторых, невозможно выявить репертуар средств выражения тех или иных модусных смыслов; в-третьих, редко рассматривается имплицитное существование субъективных значений [11, с. 122].

С появлением концепции модуса (Т.В. Шмелева), семантических исследований (Е.В. Падучева), стилистики текста (Г.Я. Солганик), коммуникативной грамматики (Г.А. Золотова), семантических универсалий (А. Вежбицка) и др.

термины *модальность* и *модус* окончательно признаются разноплановыми: модальность – семантическая категория, она рассматривается в плане языковых возможностей языка вообще (А.В. Бондарко); а модус – часть смысловой структуры высказывания (Т.В. Шмелева). Он состоит из блоков категорий: метакатегорий, актуализационных, квалификативных (авторизация, персуазивность, оценочность) и социальных категорий [12, с. 27–36].

Таким образом, под модальностью понимается грамматикализованное отношение высказывания к действительности (Е.Н. Доброгост, Е.С. Ярыгина, Н.А. Андрамонова), а под модусом – весь спектр субъективных смыслов, которые могут существовать в высказывании и тексте и окружать диктумное (позициональное) содержание высказывания и тема-рематическое основание текста (Е.И. Диброва, Н.В. Рачук, Т.А. Демешкина, Т.И. Стексова, Е.С. Ярыгина и др.). В исследовании З. Я. Тураевой данный подход к модусу конкретизируется и сводится к целевой коммуникативной установке автора и категории оценки [13, с. 109]. На основе изложенных выше определений под оценочным модусом будем понимать ценностное отношение автора дискурса к внеязыковому объекту (лицу, предмету, явлению действительности), выражаемое с целью оказания воздействия на адресата.

Из жанров медиадискурса нами выбрана аналитическая статья, поскольку в ней легче всего увидеть текстостроительную роль оценочного модуса, и в ней главное место отводится не имплицированному и только логически выводимому модусу, а наиболее естественному для задач текстообразования – эксплицированному, то есть формально выраженному.

К языковым средствам выражения авторского отношения относятся в первую очередь лексические единицы рациональной и эмоциональной оценки различной частеречной принадлежности: прилагательные (*the worst* 'наихудшее', *significant* 'значительный', *sufficient* 'достаточный', *fake* 'фальшивый'), наречия (*rapidly* 'быстро', *carefully* 'тщательно', *deeply* 'глубоко'), глаголы (*accuse* 'обвинить', *facilitate* 'облегчать', *mock* 'насмехаться'), существительные (*failure* 'неудача', *misuse* 'неправильное использование', *crook* 'жулик', *outrage* 'возмущение'). Например: *Only three months ago, Fillon was **basking in the position of presidential favourite**, portraying himself as **the only clean pair of hands** capable of leading the country through the **blood, sweat and tears of austerity**. Now he is **weakened and permanently on the defensive*** (The Guardian. 01.03.17) 'Только три месяца назад Фийон наслаждался тем, что имеет наибольший шанс на успех на президентских выборах, изображая из себя единственного кандидата с незапятнанной репутацией, способного вести страну сквозь кровопролитие, волнение и беспокойство. Сейчас его позиции ослаблены и он вынужден постоянно защищаться'.

Маркерами оценочного отношения являются вводные слова и выражения (*of course*, *unfortunately*), а также коннекторы (*however*, *meanwhile*), отражающие ход рассуждения автора аналитической статьи: *There is one area, **however**, where Britain has been **keen** to develop a common European asylum and refugee approach <...>* (The Guardian. 01.03.17) 'Однако все же существует одна сфера, в которой Великобритания стремится разработать общий европейский подход в предоставлении убежища беженцам'.

Вопросы автора к читателю в аналитической статье, особенно риторические, раскрывают позицию автора по обсуждаемым проблемам: '<...> *what will he say next? 'An extermination of the programmes'? 'A Holocaust of the candi-*

dates'?" (The Guardian. 01.03.17) '<...> каковы будут его последующие высказывания? Отмена программ? Холокост кандидатов?'

Если вопрос автора – нериторический, то зачастую журналист приводит и ответ на него, одновременно высказывая свою позицию. Например, заголовок одной из статей представляет собой вопрос *Are the gig economy and online delivery making our roads less safe?* (The Guardian. 02.03.17) 'Делает ли рынок краткосрочных контрактов и онлайн доставка наши дороги менее безопасными?'. Ответом на этот вопрос является само содержание статьи. Кроме того, сам вопрос является не простым запросом информации, а содержит "намек" на мнение автора, для чего используется оценочное прилагательное в сравнительной степени *less safe* 'менее безопасными'. Следовательно, сам характер задаваемых вопросов в аналитической статье, а также их последовательность свидетельствуют о мнении и оценках журналиста.

Стилистические средства лексического уровня (эпитеты, метафоры, сравнения и др.) также способны выражать оценочный модус: *by urging his wronged voters to "resist", Fillon was playing his last card* (The Guardian. 01.03.17) '<...> убеждая обманутых избирателей "не поддаваться", Фийон использовал свой последний шанс'; *invasion from Calais camp* (The Guardian. 01.03.17) 'нашествие из лагеря беженцев в Кале'; '<...> *the British government has "activated a pause" on the proposed policy* (The Guardian. 01.03.17) '<...> британское правительство "активировало паузу" в реализации предложенной миграционной политики'.

Эксплицитный оценочный модус формализует часть высказывания. Но его смысл может распространяться не только на это высказывание, но и дальше – на соседние высказывания, на фрагмент текста и весь текст аналитической статьи. Модус на пространстве текста отражает как отношение самого автора к сообщаемому, так и отношение иных субъектов (политиков, экспертов, очевидцев и других участников происходящих событий) к выраженным в тексте пропозициям. Очень часто в структуре аналитической статьи приводятся мысли других участников коммуникации в виде прямых и косвенных цитат, пересказов мыслей и целых концепций, реминисценций и намеков. Например: '<...> *she (Theresa May) described an asylum system that gave refugee status to those who reached Britain and Europe as "rewarding the wealthiest, the luckiest and the strongest"* (The Guardian. 01.03.17) '<...> она (Тереза Мэй) охарактеризовала систему предоставления убежища, которая гарантирует статус беженца тем, кто оказался в Великобритании и Европе, как "поощряющую самых богатых, самых удачливых и самых сильных" '.

Заключение

Оценочный модус на пространстве аналитической статьи имеет сложную природу: он складывается из модусов высказываний (элементарных модусов), которые постепенно ведут к выражению авторской идеи о мире и об элементах мира, т. е. к формированию модуса текста. Оценочный модус в тексте всегда исходит от автора, но не всегда относится к автору аналитической статьи. Часто он относится к другим субъектам речи, представленным в тексте. Установлено, что в реализации оценочного модуса участвуют оценочные лексические единицы, вводные слова и выражения, коннекторы, а также разнообразные лексические и синтаксические стилистические средства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Балли, Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли ; пер. с 3-го фр. изд.: Е. В. Вентцель, Т. В. Вентцель ; ред., вступ. ст. и примеч. Р. А. Будагова. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
2. **Гак, В. Г.** О категориях модуса предложения / В. Г. Гак // Предложение и текст в семантическом аспекте : межвуз. темат. сб. / Калинин. гос. ун-т ; редкол.: И. П. Сусов (отв. ред.) [и др.]. – Калинин, 1978. – С. 19–26.
3. **Колосова, Т. А.** О диктуме и модусе в сложном предложении / Т. А. Колосова // Науч. докл. высш. шк. филол. науки. – 1979. – № 2. – С. 47–53.
4. **Белошапкина, В. А.** Синтаксис / В. А. Белошапкина // Современный русский язык : учебник / В. А. Белошапкина [и др.] ; под ред. В. А. Белошапкиной. – Москва, 1981. – С. 363–552.
5. **Зиневич, Н. В.** Обобщающие высказывания выводного характера в научном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н.В. Зиневич ; Минск. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2015. – 25 с.
6. **Панфилов, В. З.** Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения / В. З. Панфилов // Вопр. языкознания. – 1977. – № 4. – С. 37–48.
7. Грамматика русского языка : в 2 т. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. ; редкол.: В. В. Виноградов [и др.]. – Москва : Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 1 : Фонетика и морфология. – 719 с.
8. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко [и др.] ; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Наука, 1990. – 263 с.
9. Грамматика русского языка : в 2 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: В. В. Виноградов [и др.]. – Москва : Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 2, ч. 2 : Синтаксис. – 440 с.
10. Грамматика современного русского литературного языка / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Наука, 1970. – 767 с.
11. **Копытов, О. Н.** Модус на пространстве текста / О. Н. Копытов. – Хабаровск : Изд-во Хабар. гос. ин-та искусств и культуры, 2012. – 299 с.
12. **Шмелева, Т. В.** Семантический синтаксис : текст лекций / Т. В. Шмелева. – 2-е изд. – Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1994. – 47 с.
13. **Тураева, З. Я.** Лингвистика текста и категория модальности / З. Я. Тураева // Вопр. языкознания. – 1994. – № 3. – С. 105–114.

Поступила в редакцию 15.03.2017 г

Контакты: ms.lyashkevich@mail.ru (Лешкевич Ирина Владимировна)

Leshkevich I. EVALUATION MODUS IN ANALYTICAL ARTICLES OF THE BRITISH MEDIA DISCOURSE.

The article presents the study of modality and modus. The essence of evaluation modus and its role in the creation of analytical media genres have been established. The typology of language means that participate in the realization of the evaluation modus in the analytical articles of the British media discourse has been revealed.

Keywords: media discourse, modality, modus, evaluation modus, analytical article, evaluation, lexical unit.

УДК 821.161.1.09

РОМАН “ВОЙНА И МИР” Л. Н. ТОЛСТОГО В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Приурочено ко дню рождения писателя

Г. А. Гасанова

кандидат филологических наук,
докторант Института литературы
Национальной Академии наук
(Баку, Азербайджан)

Целью данной статьи является системный анализ литературоведческих исследований азербайджанских ученых, которые были посвящены гениальному роману-эпопее. Все эти исследования являются ярким свидетельством глубокого воздействия и плодотворного влияния Толстого на национальную литературу и культуру. Это воздействие обширно и многогранно. Традиции Толстого-романиста получили своеобразное преломление в азербайджанском эпическом, историческом, социально-психологическом и философском романе (Ю. Чеменземинли, М. Ордубади, С. Рагимов, М. Гусейн, М. Джалал, Абульгасан, М. Ибрагимов и др.). Внутреннее родство с “Войной и миром” проявилось в изображении поворотных моментов в истории страны, народного героизма и патриотизма в сочетании с индивидуализацией характеров и глубоким психологизмом. А главное – это идеи гуманизма и правдивости.

Ключевые слова: Лев Толстой, “Война и мир”, народная эпопея, азербайджанская мысль, плодотворное влияние, преломление традиций.

Введение

“Без прошлого нет настоящего”. Именно эта мысль побудила Л. Толстого к созданию грандиозной народной эпопеи “Война и мир”, которую он сам сравнивал с “Илиадой”. Поражает творческий дух, необъятная мощь эпического повествования. С необыкновенной силой воспет великий подвиг русского народа, поднявшегося на защиту своего Отечества против наполеоновского ига.

Нравственное начало, пронизывающее все произведение, близко и понятно всем почитателям великого писателя земли русской.

Основная часть

Мамед Ариф, переводчик “Войны и мира” на азербайджанский язык, тоже преклонялся перед необыкновенным талантом писателя, силой его творческого духа. “... всю силу, гениальность этого крупнейшего мастера слова я по настоящему прочувствовал и в процессе перевода... романа... Вот когда он предстал передо мной и величайшим, ни с кем не сравнимым художником-реалистом, и пламенным патриотом русского народа, и страстным гуманистом, и, самое главное, честнейшим писателем-гражданином земли русской. ... он... был до конца искренен, теснейшими узами связан со своей эпохой” [1, с. 14–15].

В прозе Толстого дана развернутая картина русской жизни, потрясающая своей реалистичностью. Драматург Ильяс Эфендиев видит в этом и поэтичность. “И недаром даже такое монументальное творение, как “Война и мир”,

исполненное глубокого философского содержания, воспринимаешь как вдохновенную поэму” [2, с. 2].

А для Арифа Гаджиева это не поэма, а “широкая картина патриотической войны 1812 года”, воссозданная силою гения писателя [3, с. 3].

Г. Султанова подчёркивает патриотический дух, героический народный пафос романа: “Автор восхищается мужеством и смекалкой русских крестьян, не поддавшихся на обещания и посулы Наполеона, а с вилами и топорами встречающих незваных гостей” [4, с. 3].

Г. Султанова подробно останавливается на обрисовке образов Кутузова и Наполеона, великого русского полководца и французского триумфального завоевателя. “Писатель-патриот с особой гордостью изображает Кутузова, человека большой души, выдающегося полководца, – пишет ученый. – Терпеливо и мудро... он ковал победу над врагами. Седой фельдмаршал отчётливо сознавал опасность, нависшую над Россией, и хладнокровно продумал хитроумный план разгрома французской армии. Толстой показал “величие, громадный ум и поразительное чутьё русского полководца...”, а также духовное единство истинного отца солдат с народными массами: их взаимное уважение друг к другу. И победа была одержана, ибо вера в неё руководила поступками и действиями защитников Родины.

В Наполеоне же Толстому глубоко отвратительны захватнические стремления, неуёмное честолюбие и лицемерие. Писателю претили посягательства коварного и жестокого корсиканца на свободу и независимость народов. Толстой люто ненавидел захватнические войны, приносящие всему живому неисчислимы бедствия и страдания” [4, с. 3].

Толстой создал галерею незабываемых образов, и в каждом раскрыл красоту, одухотворённость, русский дух. Именно они выразители жизненных идеалов писателя. “Любимые герои Толстого, – пишет Г. Султанова, – полно и глубоко раскрыли суть его мировоззрения, его отношения к действительности. Это прежде всего Андрей Болконский и Пьер Безухов – молодые, благородные сердца, жившие одной мыслью: быть полезными народу и Отечеству. Это патриоты, которым превыше всего дорога честь России. Это нежная, обаятельная Наташа Ростова, будто сотканная из света и солнечных лучей, устремлённая к добру” [4, с. 3].

Э. Эфендиев в одном из набросков приводит необычное сравнение одного из главных героев, Пьера Безухова, с Квазимодо, искалеченным уродцем. “Ильяс Эфендиев говорит, что если роман “Война и мир” условно воспринять как галерею образов, то для него это роман Наташи Ростовой. Частенько вспоминаю эту мысль отца. Если принять предложенный им условный принцип, то для меня “Война и мир” это все-таки роман Пьера Безухова. В русской литературе я не нахожу другого героя, родственного Пьеру. В мировой литературе родственные Пьеру черты я нахожу у Квазимодо из “Собора Парижской Богоматери” Гюго” [5, с. 93].

Внешне Пьер уж никак не походил на Квазимодо. Разве что речь у Эльчины Эфендиева идет о нравственном богатстве, скрытой духовной силе. У романтического Виктора Гюго горбатый уродец Квазимодо – воплощение истинного благородства, а у Толстого-реалиста нерасторопный Пьер Безухов – носитель лучших качеств. Пьер, по словам Андрея Болконского, оказывается единственным “живым человеком” среди высшего света, как и Квазимодо, самым человечным, способным на глубокие чувства в отличие от архидьякона Клода Фрол-

ло, одержимого лишь страстью к Эсмеральде. Он готов ради любви на все, даже на преступление: сбрасывает с башни своего наставника, благодетеля, к которому был привязан и обязан жизнью. Горбун способен пожертвовать собой, как и Пьер Безухов.

В литературе и искусстве как XIX в., так и современной, немало примеров подобного несоответствия внешне некрасивых, но духовно богатых и, наоборот, привлекательных, но глубоко безнравственных, аморальных типов. Взять хотя бы Дориана Грея ("Портрет Дориана Грея"), его моральное разложение при вечной молодости и красоте. Да и у самого Толстого немало отрицательных персонажей с притягательной внешностью. Это светская красавица Элен Курагина, жена Пьера, развращённая коварная женщина, ищущая лишь материальные выгоды, как и ее отец и брат, стремящиеся прибрать все состояние к рукам, пользуясь слабостью, искренностью и доверчивостью Пьера.

Можно назвать и обольстителя Нехлюдова, бесчестно поступившего с Катюшей Масловой, и молодого красавца Вронского, не столь глубокого по характеру, антипода Каренина, – напротив, более чуткого при неприглядной внешности. Внешнее и внутреннее не есть что-то отдельное: внутреннее проявляет себя во внешнем, а внешнее раскрывает внутреннее, нутро. За прекрасной оболочкой порой скрывается ложь и лицемерие, а за ущербностью – добро и благородство.

Внешность Пьера Безухова, одного из любимых героев Толстого, тоже уступает внутреннему содержанию. Он, по описанию, "массивный, толстый молодой человек с стриженою головой в очках", с "умным, робким, наблюдательным и естественным" взглядом. Своей неуклюжестью, ростом выше обыкновенного и огромными красными руками резко выделяется среди светских особ в салоне Анны Павловны Шерер, никак не вписываясь в высшее общество.

Не только внешность, но и свойства характера отличают Пьера от других. Он умен, но совершенно непрактичен, добр, мягок, сострадателен. При этом чрезмерно вспыльчив и эмоционален, склонен к горячим спорам и философским рассуждениям. Вначале он предстает слабым, безвольным, податливым, поэтому и легко подпадает под влияние семьи Курагиных, женится на Элен. Но вскоре последует разрыв с ней, нелепая дуэль с Долоховым. И в результате он приходит в состояние нравственного тупика.

Толстой изображает своего героя правдиво, со всем набором присущих ему качеств, как положительных, так и отрицательных, без всяких приукрашиваний, "естественным" человеком, которому свойственно меняться.

Внутренние перемены отражаются и на внешнем облике Пьера Безухова. Если вначале он подвержен чувствам, оживлен, отстаивает свое мнение, то уже после женитьбы стал как бы безучастным и лицо его было "уныло и мрачно". А когда он находит смысл своей деятельности в улучшении условий жизни крестьян, то опять начинает говорить "с одушевлением радости".

Грозные события войны 1812 г. становятся для Пьера тяжким испытанием. Попав в непривычные для него военные условия и оказавшись среди простых солдат, он был поражён их огромной нравственной силой и героизмом. И ему хочется стать одним из них, "просто солдатом", и "войти в эту общую жизнь". Он освобождается и от страха смерти.

Безухову предстоит пережить все ужасы плена, казни русских солдат. Формированию нового взгляда Пьера на жизнь во многом способствовало его знакомство в плену с Платоном Каратаевым, простым солдатом. Он не выражает

недовольства, не возмущается злу и насилию, а покорно принимает то, что посылает ему судьба. В бараке подбадривает пленных, старается вселить в них веру на лучшее и для каждого находит утешительное слово. И Пьера призывает к терпению, смирению.

Но каратаевская пассивность и фатализм не стали главным принципом для Пьера. Он не может мириться со злом и несправедливостью. Встреча с этим маленьким человеком с певучим голосом осталась в душе Пьера самым сильным и “дорогим воспоминанием и олицетворением всего русского, доброго и круглого”.

Именно об этой встрече и пишет Э. Эфендиев в наброске “Встречи, “организованные” Толстым”. “Встречи, организуемые Толстым для своих персонажей, являются фундаментальным приёмом, основополагающей особенностью его художественно-эстетического метода. Речь идёт не только о такой Судьбоносной Встрече, как встреча Анны и Вронского; даже, к примеру, такая “малая встреча”, как встреча Безухова с Каратаевым, способна изменить судьбу человека. Именно после встречи с Платоном Каратаевым перед нравственным взором Пьера открылся новый, ранее неведомый ему мир” [5, с. 95]. Именно в плену Пьер учится ценить жизнь. “Пока есть жизнь, есть и счастье”, – говорит он Марии Болконской по возвращении из плена.

Постепенно Пьер Безухов обретает духовную силу. Несмотря на изодранную одежду, грязные босые ноги, взлохмаченные волосы, кишасшие вшами, выражение его лица сохраняло твёрдое спокойствие. А ведь не так давно образование, богатство, положение в свете обеспечивали ему “хорошую пищу, чистоту и свободу”. Так, пройдя долгий путь к прозрению, исполненный ошибок и сомнений, он обретает истинный смысл жизни, осознанного и полезного существования.

Человеку свойственно меняться, ведь “люди как реки”, – утверждает автор. Появляются новые чувства, мысли, взгляды. Неизменной остаётся лишь природная сущность. В конце романа – другой Пьер, преобразовавшийся, обновлённый, освободившийся от всего наносного и искусственного, обладающий новым мировоззрением и системой ценностей. Он счастлив с Наташей Ростовою, образцовый муж и отец. “Пьер стал жить большим домом, семьёй” [6, с. 288].

Образ Пьера Безухова близок самому Толстому, в нем заложено много автобиографических черт.

В каждом из героев Толстого частица его души. Он и создает эти образы и сосуществует вместе с ними. Порой даже подчиняется характерам им же созданным. Мамед Ариф отождествляет Толстого со своими героями и указывает на их сходство между собой, но в то же время отмечает и их непохожесть, “Иной раз кажется, что эти герои похожи друг на друга, поскольку в некоторых случаях они выражают мысли самого автора и в их духовных устремлениях есть много общего. Но эта похожесть отнюдь не стирает и не сглаживает индивидуальные черты героев Толстого. Они всегда отличаются полнотой характера, оригинальностью и предельной индивидуализацией. Художественные полотна его так необъятно обширны и так полны жизненных красок и звуков, что каждая индивидуальность находит в них свое необходимое неповторимое место. У Толстого образы дополняют, но никогда не повторяют друг друга. В каждом из них открывается перед нами целый мир, причем всегда новый, неповторимый мир духовной жизни, обогащая наше представление о человеке, о национальном и общественном облике русских людей, его современников” [1, с. 15].

Роман Толстого «Война и мир» принес русской литературе всемирное признание. Он стал подлинным «зеркалом» событий прошлого – славной победы русских над Наполеоном и сложных процессов исторического развития России. Толстой с необычайной достоверностью воскресил жизнь далекой эпохи, создал яркие образы подлинных патриотов своего Отечества. Роман по праву считается энциклопедией русской жизни начала XIX в.

Остается лишь добавить, что проблема войны и мира все также актуальна и в наше время, а значит, роман Толстого не утратил своей жизненной силы и представляет интерес для современной литературоведческой науки.

Заключение

Представители азербайджанской научной мысли преклонялись перед великолепным талантом и силой духа писателя. Они отмечали его гуманизм, новаторство в изображении войны (батальных сцен), глубину психологического анализа. Особо подчеркивали своеобразие творческого метода, стремление к правде и простоте. Высоко оценивая вклад Толстого в мировую культуру, отдавали дань художественному гению и мастерству писателя. Высказывания ученых являются верным ориентиром не только для понимания и более глубокого восприятия романа, но и всего творчества писателя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Ариф, М.** Писатель-гражданин. К 50-летию со дня смерти / М. Ариф // Литературный Азербайджан. – 1960. – № 11. – С. 14–16.
2. Гений на все времена. Торжественный вечер, посвященный 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого в Азгосфилармонии им. М. Магомаева // Молодежь Азербайджана. – 1978. – 14 сентября.
3. **Гаджиев, А.** Великий писатель русской земли (к 150-летию со дня рождения) // А. Гаджиев // Бакинский рабочий. – 1978. – 9 сентября.
4. **Султанова, Г.** Могучий глашатай истины. К 150-летию со дня рождения / Г. Султанова // Вышка. – 1978. – 9 сентября.
5. **Эфендиев, Э.** Время и слово. Литературные раздумья / пер. Вагифа Ибрагим оглы / Э. Эфендиев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kitabxana.net. – Дата доступа: 27.03.2016.
6. **Толстой, Л. Н.** Война и мир / Л. Н. Толстой // Собр. соч. : в 22 т. – Москва : Худож. лит., 1978–1985. – Т. 7. – 1981. – 367 с.

Поступила в редакцию 17.02.2017 г

Контакты: gjuhnara-gasanova@rambler.ru (Гасанова Гюльнара Алиевна)

Gasanova G. THE NOVEL “WAR AND PEACE” BY L.N. TOLSTOY IN AZERBAIJANIAN LITERARY CRITICISM.

The purpose of the article is to analyze literary researches of the Azerbaijanian scientists devoted to the brilliant epic novel by L. Tolstoy “War and Peace”. All these researches prove a deep fruitful influence of Tolstoy on the national literature and culture. This influence is extensive and many-sided. The representatives of the Azerbaijanian scientific thought admired the writer’s dazzling talent and strength of mind.

Keywords: epic work, enthusiasm of the people, extraordinary talent, writer-realist